

ЧЕТВЕРТЬ века минуло со дня кончины Алексея Максимовича Горького. События огромного исторического значения произошли с того дня. Но и спустя четверть века писатель как бы присутствует среди нас. Он — судья в наших литературных спорах, он — учитель молодых писателей, защитник угнетенных народов, суровый обвинитель угнетателей; он — наш современник сегодня, как двадцать пять и пятьдесят лет назад.

Сейчас на устах литераторов — слово «современность». Произведения Горького — образец глубокого постижения современности. Раскройте его роман «Мать», вспомните, как оценивал это произведение Владимир Ильич Ленин! Перечитывая «Мать», мы видим в этом творении Горького не только время, о котором повествует писатель, но и будущее. В уста революционера Николая Ивановича Горький вложил поистине пророческие слова:

«Какие хорошие люди... Я говорю о молодых рабочих — крепкие, чуткие, полные жажды все понять. Смотришь на них и видишь — Россия будет самой яркой демократией земли!»

Сколько чернил было пролито буржуазными критиками, чтобы доказать «губительное» влияние «тенденции» на творчество Горького. Иными словами — влияние революционной, классовой, пролетарской идеи. Сам Алексей Максимович ответил хулителям так:

«У меня еще в юности возникло сознание — вернее чувство — органического родства с рабочим классом и до сего дня есть тревога за его судьбу, — тревога араба за источник, оживляющий его оазис, в песках пустыни...»

Горький вошел в литературу и занял одно из первых мест в ней в то время, когда еще жили Лев Толстой, Чехов, но это было и время литераторов «сверхчеловеков», время декадентствующих писателей, вроде Шалимова в «Дачниках».

Горький говорил о себе как о драматурге с удивительной скромностью. Между тем драматургия Горького живет и будет жить; образы, созданные им в «Дачниках», «Варварах», «Вассе Железновой», — драгоценный подарок для актера-художника.

Однажды в беседе с нами, после того как я назвал «Дачники» одной из лучших его пьес, Алексей Максимович спустя немного времени сказал, что перечитал «Дачников», и заметил мимоходом: «Женщины там хороши. Хороши в «Дачниках» не только женщины, хороши и, с позволения сказать, «властитель дум» Шалимов, литератор «сверхчеловек».

Обращаясь мысленно к началу века, мы видим, какую самоотверженную борьбу ведет Горький за реализм в литературе. Вспомним, что замечательные произведения русской литературы — «Деревня» Бунина, «Поединок» Куприна — создавались под непосредственным влиянием Горького, и это засвидетельствовано самими писателями. О том, что Горький выступил как зачинатель советской литературы, как основоположник метода социалистического реализма, известно каждому читателю нашей страны.

Горький всем своим творчеством, непримиримостью к писателям, чуждым реализму, обличением язва капитализма заслужил суждение о нем Ленина, суждение как о безусловно крупнейшем представителе пролетарского искусства. Великий художник слова,

Лев НИКУЛИН

Перечитывая Горького

он до последних дней жизни страстно и вдохновенно выступал как публицист. Перечитываясь его публицистические статьи и не перестаешь удивляться его политическому предвидению.

В 1925 году Горький, например, пишет из Италии:

«Здесь совершается процесс концентрации ненависти, обещающей в будущем очень мрачные дни».

Именно в эти дни я был в Неаполе, видел «покорение» чернорубашечниками этого прекрасного города, видел, как угрюмо был встречен народом Неаполя «дуче». Признаться, мне, как и многим, казалось тогда, что в этом мрачном спектакле, разыгранном фашистами, больше смешного, чем страшного. Были в Европе писатели, общественные деятели, которые утверждали, что фашизм и нарождающийся нацизм в Германии — это «блеф», который исчезнет бесследно чуть не в ближайшие дни.

Алексей Максимович оценивал события глубоко и верно. Мрачные дни наступили через пятнадцать лет после того, как Горький писал о «концентрации ненависти».

Алексей Максимовича уже не было в живых, когда началась вторая мировая война и наш народ пережил тяжчайшее испытание. Непокорима была вера Горького в могущество советского народа, в его мужество, твердость, в его вооруженные силы.

И в этом Горький снова является нам как провидец будущего — он верил в нашу умную, отличную Советскую Армию и не раз говорил и писал об этом в своих воодушевляющих советский народ статьях. «Союз Советов имеет хорошо вооруженную армию, каждый боец которой прекрасно знает, что он будет драться за свою свободу, за свободу страны, где он полноправный хозяин и где нет хозяев, кроме рабочих и крестьян». Мощь этого оружия фашизм испытал на своей шкуре.

Сейчас, когда поверженный фашизм пытается поднять голову, слово Горького сохраняет всю свою убедительность.

Врагом человечества, прогресса, гуманизма Горький всегда считал расовую ненависть:

«Лично я всегда считал и считаю проповедников расовой и племенной ненависти людьми выродившимися и социально опасными».

Эти выродки не исчезли с лица земли — мы узнаем их звериный облик в руководителях расовой политики Южно-Африканского Союза, мы видим, как они проявили себя недавно в Монтгомери, где озверевшая толпа расистов терзала негров и белых, совершающих рейд дружбы.

Но если для Алексея Максимовича было бы тяжким сознание, что спустя четверть века еще живы проповедники расовой ненависти и палачи, действующие под их влиянием, то он испытал бы светлую радость, если бы увидел, как народы Африки сбрасывают цепи угнетения.

«Для нас нет еврея, негра, турка, китаец: рабочие всей земли — братья!» Эти слова написаны Горьким еще в 1913 году в рассказе «Вездесущее».

Все, кому довелось беседовать с Горьким, всемирно известным писателем, вероятно, заметили: о чем бы ни говорил Горький, он возвращался к

одной теме, к теме любви, восхищения своей социалистической Родиной.

«Первое в мире государство пролетариата является школой, где молодежь многочисленных народностей воспитывается интернационально, где множество армян, башкир, грузин, татар, туркмен и всех прочих народностей, не теряя национального своеобразия своих культур, постигают высшую форму культуры человечества — интернациональную культуру...»

О самом главном и самом важном говорил Горький в своих статьях, он, свидетель преступной политики царизма, натравливавшего одну народность на другую, подвергавшего принудительному «обрусению» эти народности, радовался тому, что увидел своими глазами в Стране Советов. Грустно, что Горькому не довелось увидеть всемирный триумф своеобразного национального искусства русского, грузинского, украинского и других народов на сценах театров и зрительных залов всего мира. Как бы порадовали Горького успехи братских литератур, произведения писателей всех наших республик, опубликованные уже после того, как Горький ушел от нас.

Он умел ясно, точно и убедительно говорить о задачах советской литературы:

«Для того, чтобы ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята, — необходимо развить в себе умение смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего». Об этих целях будущего, которое уже теперь для нас является настоящим, пишет Н. С. Хрущев в статье «К новым успехам литературы и искусства»: эти задачи состоят в борьбе за счастье людей, за всемерное улучшение условий их материальной и духовной жизни, за расцвет всех способностей и дарований человека.

Мы живем в эпоху развернутого

строительства коммунизма. Но и сегодня для нас не утратили значения слова Горького, обращенные к нефтяникам Баку, о тех условиях, при которых осуществится великая победа социализма: «эти условия в целом сводятся к двум: одно из них — сознание рабочим классом цели своего героического труда, другое — сознание, что для трудовой энергии нет препятствий, которые она не могла бы преодолеть...»

Трудовая энергия преодолела не только добычу нефти из недр Каспийского моря. Она открыла, воодушевила наших ученых-физиков, ставящих на службу человеку «мирный атом», она воодушевила ученых, конструкторов, рабочих, которые создали ракету мощностью в двадцать миллионов лошадиных сил, поднимающую в космос первого космонавта Юрия Гагарина.

Дерзость воображения — вот что Горький считал неотъемлемым качеством литератора.

Еще в 1920 году в журнале «Коммунистический Интернационал» № 12 Горький писал:

«...Иногда дерзость воображения, обязательная для литератора, ставит передо мною вопрос:

— Как видит Ленин новый мир?

И передо мной развертывается грандиозная картина земли, изысканно ограниченной трудом свободного человечества в гигантский изумруд... Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека...»

Труд, облагороженный технически, стал творческим для ударников коммунистического труда, для рационализаторов, изобретателей, для мастеров земледелия — воображение великого писателя не обмануло его. Станет явью и видение земли, ограниченной трудом в гигантский изумруд, земли, какой она будет в светлую эру коммунизма.

Горький умер шестидесяти восемью лет отроду. Умер в расцвете творческих сил, работая над романом-эпопеей «Клим Самгин», в разгаре великой организационной работы. Он шутя говорил о себе, что он уже не лицо, а учреждение. Недаром же товарищи литераторы, руководители Союза писателей мечтают быть «коллективным Горьким». Он был редактором, которого можно себе лишь пожелать. Если говорить о себе лично, то никогда я не получал более доброжелательной, серьезной и справедливой критики, чем та, которую я слышал от Горького о своем биографическом романе «Время, странствие, движение». Мне оставалось только выполнить все, что советовал Горький.

А его отношение к молодым, к «литературным младенцам»!

«...сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, — писал он, — которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений — они не встретили опоры, поддержки. Вот откуда и происходит мое отношение к «литературным младенцам»...».

И в то же время он как строгий и справедливый учитель советовал рвущимся в литературу молодым людям: «...писать — подождите до поры, пока овладеете грамотой...». «Имейте в виду, что писатель должен отлично знать действительность и вообще должен знать

как можно больше: естественные науки, история — необходимы».

Как музыкант слышит фальшивую ноту инструмента в оркестре, так Горький улавливал ехидные, враждебные строительству социализма суждения в письмах некоторых брюзжащих на современность литераторов и считал долгом указать на это авторам писем. Горький показывал пример высокой принципиальности и вместе с тем справедливой оценки творчества писателя. Никакие резкости и грубости Ивана Бунина, ослепленного «концентрированной ненавистью» к революции, не остановили Горького, когда он оценивал лучшие произведения Бунина — художника слова; даже личные нападки Бунина на Алексея Максимовича не задевали его. Он советовал молодым изучать творчество Толстого, Чехова, Лескова, Бунина, и это было уже после разрыва с Буниным по глубоко идейным мотивам.

Одно из самых дорогих воспоминаний моей жизни — утро в день открытия Первого съезда советских писателей. Ночь накануне съезда мне довелось провести за городом, в доме, где жил Алексей Максимович. Ранним утром в одном автомобиле с Горьким мы отправились в Москву, мы видели, какое волнение испытывал в это утро Горький: сбывалась мечта — создание единого Союза советских писателей, — недаром столько труда положил основоположник советской литературы на это дело. И вот с трибуны съезда советских писателей мы услышали слова Горького, завет писателям Советского Союза; этот завет и в наши дни остается незабытым:

«История выдвинула нас вперед как строителей новой культуры, и это обязывает нас еще дальше стремиться вперед и выше, чтобы весь мир трудящихся видел нас и слышал голоса наши... Что значит — выше? Это значит: надо встать выше мелких личных дряяз, выше самодлюбия, выше борьбы за первое место, выше желания командовать другими, — выше всего, что унаследовано нами от пошлости и глупости прошлого.

...Нам нельзя ни на минуту забывать, что о нас думает, слушая нас, весь мир трудового народа, что мы работаем пред читателем и зрителем, какого еще не было за всю историю человечества».

Перечитываясь Горького и видишь, что этот Человек стоит рядом с нами и после скорбной даты 18 июня 1936 года и вечно будет в строю с нашими потомками.

Вечная ему память и слава!

Приезд А. М. Горького в Москву в 1931 году.

Фото А. Пархоменко (публикуется впервые)